

ВЛАДИМИР ЗАК

Кружок Дворца пионеров очень скоро стал заметным в шахматной жизни Ленинграда, центром подготовки юных шахматистов города, в особенности, когда его руководителем, старшим тренером стал Владимир Григорьевич Зак. До него в этой должности короткое время работали Абрам Модель и мастер Андрей Михайлович Батуев. Оба они были очень добрыми, хорошими людьми, кстати, гораздо более сильными шахматистами, чем Зак, но им не хватало его организованности, принципиальности, обязательности, строгости, педантичности при работе с детьми. А главное, что и Модель, и Батуев рассматривали работу во Дворце пионеров как временную, одну из..., а Зак пришел всерьез и надолго. Уже гораздо позже, будучи профессиональным журналистом, я взял у Зака интервью.

«Мне в жизни очень повезло, – сказал Зак, – Через мои руки прошли Б. Спасский и В. Корчной, А. Кочиев и Б. Владимиров, Л. Вольперт и Н. Зубова, А. Юнеев и А. Ермолинский... Почему повезло? Потому, что я мог с ними и не встретиться. Были бы другие? Вовсе не обязательно. Многие считают, что хороший тренер может из любого сделать как минимум мастера. Это неверно. Из ничего ничего и не получится. Скорее плохой тренер загубит талант. Но и это происходит не так уж часто. Я бы сравнил тренера с гранильщиком алмазов. Из одного и того же камня можно получить разные бриллианты. Но, скажем, из антрацита бриллиант сделать не может никто.

Роль тренера особенно важна на первой стадии отбора. Распознать в шестилетнем ребенке, еще ничего не знающем и не умеющем, будущего большого шахматиста – вот задача, доступная только выдающемуся педагогу. Великий утопист эпохи Возрождения Томазо Кампанелла считал, что самая важная функция общества – выявление истинных возможностей его членов. Чтобы в посредственном полководце не умер великий портной, а в архитекторе, всю жизнь строящем уродливые, непрочные здания, – замечательный музыкант, писатель, повар.

Обращаясь к шахматам наших дней, приходится констатировать, что удовлетворительной системы тестирования у нас

нет. Наиболее распространенные критерии – возраст ребенка и класс его игры (ну, хотя бы, как он оценивает типовые позиции). Но ведь при этом нужно учитывать и срок знакомства ребенка с шахматами, и домашние условия, и нервную систему, которая может дать сбой в экстремальных условиях отбора, да мало ли что еще. Никто пока не знает, какой фактор важнее.

Может быть, отбор нужно делать вообще без шахмат и шахматной доски, выявляя память ребенка, быстроту его реакции, устойчивость к стрессовым ситуациям, способность к сосредоточению и другие общечеловеческие качества, Но пока наука не дала нам четких рекомендаций на этот счет. Решающая роль остается за интуицией. И чем талантливее, крупнее тренер, тем лучше у него интуиция.

– А с какого возраста целесообразно начинать обучение детей шахматам?

– С семи-восьми лет.

– А Ботвинник утверждает, что с одиннадцати-двенадцати.

– Всю жизнь Михаил Моисеевич был и остается для меня непререкаемым авторитетом и как шахматист, и как личность. Но в этом, чисто тренерском, вопросе позволю себе с ним не согласиться. Ведь Ботвинник сделал свой вывод, основываясь на одном, двух, пусть даже десяти примерах. А я работаю с детьми почти полвека. Другое дело, что чем меньше ребенок, тем осторожнее надо с ним обращаться, больше беречь его нервную систему. Ни в коем случае не захваливать, не создавать вокруг него ажиотаж. Сколько авансов было выдано в свое время Киму. А где он сейчас? Таких примеров я мог бы привести множество.

– Можно ли считать – вспомним вновь Кампанеллу – что вы угадали с профессией, что наиболее полно смогли себя выразить именно на тренерском поприще и что, говоря о везении, имели ввиду не только своих выдающихся учеников, но и дело, которым занимались всю жизнь, пусть иногда даже с не очень заметными результатами?

– Тренерская профессия – одна из самых неблагодарных. Ласкер говорил: «Человек ответственен за труд, а не за его результаты». А тренера, увы, оценивают только по результатам. Бронштейн когда-то заметил: «В нашей стране сейчас десять пример-

но равных по силе шахматистов: Ботвинник, Смыслов, Керес, Таль, Петросян... Если в очередном первенстве первое место занимает Смыслов, а десятое, скажем, Болеславский, то на следующий год при том же соотношении сил они вполне могут поменяться местами. Это нормально. Самому шахматисту такие метаморфозы еще могут простить, тренеру – никогда».

То же самое происходит и в других видах спорта. Вспомним хотя бы печальные судьбы футбольных и хоккейных тренеров. А эта практика, когда на ответственное соревнование за границу посылают не того тренера, который довел до столь высокого уровня своего подопечного, а другого, случайного, якобы более квалифицированного. В свое время в Гронинген на первенство Европы со Штейнбергом вместо Мацкевича поехал Лутиков, в Манилу на первенство мира с Кочиевым вместо меня – Васюков.

Между тем юноша или девушка, лишившись привычной для них поддержки, часто теряются, терпят неудачу. Ералаш царит и в присуждении тренерам очередных званий, и при награждениях. Достается нам порой, и далеко не всегда за дело, от родителей. Ни один из моих учеников не связал свою судьбу с шахматным отделением ГЦОЛИФКа, не стал профессиональным тренером – мой пример не был для них вдохновляющим. Да и я сам их отговаривал. Нельзя же мое везение брать за жизненную основу. И все-таки, как это ни парадоксально, я счастлив, я не променял бы свою профессию ни на какую другую, и если бы у меня была такая возможность – прошел бы весь свой путь с самого начала.

– Пусть следующий вопрос не покажется вам обидным. Но стоит ли овчинка выделки? Тренер прилагает огромные усилия, чтобы вырастить классного шахматиста, вкладывает в него душу, несет огромные моральные и физические потери. И..., о, счастье, радость! Он добивается своей цели и... автоматически обрекает своего подопечного, теперь уже почти сына, на крайне беспокойную, нервную, нестабильную жизнь. Говорят, Клара Шагеновна Каспарова, выступая по Бакинскому телевидению, сказала, что порой жалеет о том, что ее сын играет в шахматы. Возможно, это только слухи, всегда сопутствующие известным людям. Но я готов в это ее высказывание поверить.

– Конечно, каждый тренер надеется вырастить гроссмейстера, но подавляющее большинство учеников на какой-то стадии отсеивается, не становятся профессиональными спортсменами. Но все равно, им шахматы приносят только пользу – уводят с улицы, развивают мыслительный аппарат, прививают навыки к самостоятельной работе. Что же касается гроссмейстеров, особенно такого класса, как Каспаров и Карпов, то они своей игрой украшают нашу жизнь, дают радость миллионам людей. За это им можно и пострадать.

Выдающимся людям ни в какой области не бывает легко. Если же говорить о среднем звене – мастерах, то их отказ от других профессий ради шахмат, действительно, спорен. Ведь каждый человек, помимо всего прочего, должен зарабатывать деньги, содержать семью. Шахматисту мастерского уровня делать это непросто. Приходится все время что-то придумывать, ловчить. Но, полагаю, эти проблемы можно решить организационно-административными методами. И тогда шахматный мастер будет такой же профессией, как инженер, врач, учитель».

Это интервью было взято у Зака несколько десятков лет назад, но, если за это время в шахматах и произошли какие-то изменения, то, пожалуй, только к худшему, по крайней мере, в России. Раньше государство помогало профессиональным шахматистам, создавало для них рабочие места, давало стипендии. Теперь же они полностью предоставлены сами себе.

Работа во Дворце пионеров была поставлена очень разнообразно. Лекции и занятия вели гроссмейстер Г. Левенфиш, будущий гроссмейстер, один из лучших тренеров за всю историю Советского Союза – Семен Фурман, мастер А. Черепков и другие. Проводились турниры, сеансы. Через Дворец пионеров прошли Б. Спасский, В. Корчной, Б. Владимиров, частично А. Лутиков, Н. Крогиус, позже А. Кочиев, Л. Юдасин, Гата Камский и многие другие.

В 1946 году во Дворце пионеров провел сеанс Василий Смыслов. Это было большое событие. Смыслов был одним из сильнейших шахматистов, претендентом на звание чемпиона мира. Зак рассматривал его сеанс как экзамен своей работе и выставил против сеансера на сорока досках все, чем располагал Дворец пионеров. Основные надежды он возлагал на моего друга Володю

Певзнера. Володя не был сильнейшим учеником Зака, но он был очень аккуратным, осторожным, вдумчивым игроком. Он не делал поспешных ходов и почти никогда не зевал. Увы, именно он проиграл первым, продержавшись всего шесть ходов. Так же ранее проиграл в одном из турниров Паулю Кересу в Каро-Кане молодой мастер Арламовский.

Вообще воспитанники Зака провалились в этом сеансе. Выиграл у сеансера только один участник, кстати, из самых слабых его учеников. Но за спиной у него стоял неизвестный нам красивый молодой человек, не разрешавший ему сделать ни одного самостоятельного хода. Мы спросили потом у Зака, кто это. «Так это же вернувшийся из эвакуации Марк Тайманов» – сказал Зак, удивившийся нашей неосведомленности.

Лично я не был надеждой Дворца пионеров, хотя и входил во вторую сборную города и довольно быстро переходил из одного разряда в другой. Позже, уже взрослым, был четырехкратным победителем массовых первенств Ленинграда по блицу, играл в финале города со Спасским, Чеховером, Толушем, Фурманом, Борисенко, но застрял в звании кандидата в мастера и большим шахматистом не стал, хотя и были у меня кое-какие достижения. Я играл в 1953 году в четвертьфинале чемпионата СССР в Киеве, был чемпионом Якутска, Дальнего Востока и Сибири, участником командных первенств. Вместе с известными мастерами Славой Осносом, Борей Владимировым, Александром Геллером, Николаем Усовым и Мартой Бриловой в 1959 году выиграл первенство СССР (вместе с Тбилисским Политехническим институтом) среди производственных коллективов. Переехав на постоянное место жительства в США, я стал трехкратным чемпионом страны (дважды по блицу и один раз по быстрым шахматам). Но все это были для меня, можно сказать случайные шахматы, так сказать, отрывка прошлого. Серьезно я перестал играть в шахматы в 1955 году, переключившись на журналистику, в основном, спортивную.

Мои друзья, особенно те, стаж знакомства с которыми исчисляется не одним десятилетием, часто спрашивают, почему в свое время я бросил шахматы. «Писать о шахматах и шахматистах, – говорят они, – интересно, но еще лучше, когда пишут о тебе. А ведь можно еще и совмещать журналистику с игрой, как это де-

лали, к примеру, Савелий Тартаковер, Сало Флор, Марк Тайманов, Роберт Бирн. Ты же, кажется, когда-то подавал надежды, играл в одних соревнованиях с В. Корчным, М. Талем, А. Толушем, С. Фурманом? Что, не хватило воли и трудолюбия? Или, убедившись в своей бездарности, решил не тратить больше времени и не искушать судьбу?»?

Когда они совсем достают меня, я рассказываю им свою печальную историю, которая уже закончилась более 55 лет назад, а началась гораздо раньше, в 1945 году, в шахматном клубе Ленинградского Дворца пионеров.